

Глава 1. Служитель бога и другие.

Меня зовут Скелетус. Я - принц Давский. И мне четырнадцать лет. Давия - это моя страна.

Сколько себя помню, никогда я не покидал её. Центральная её часть располагается между четырьмя совершенно прямыми скалами, уходящими в белое, словно молоко, небо.

Никогда не встречал я на этом небе ни облачка. И только к ночи мой дядя зажигает на нём ослепительное, медово - жёлтое солнце. Как он это делает, долго оставалось его тайной, которую он хранил как зеницу своего ока. И только совершенно недавно я узнал: дядя просто дёргает сонное солнце за свисающую вниз тонкую руку - и оно пробуждается.

Дядя, конечно, страшно гордится своими связями. “Я советник самого Бога! - нередко говорит он, заложив кисть руки за борт своего пиджака и отставив в сторону ногу. - Самого Бога Люстры!” “Люстра” было именем дядиного Бога. Я же отдавал предпочтение другому солнцу, но об этом позже.

Впрочем, дядин Бог невольно и во мне вызывал почтительные чувства. Потому что, если бы он не светил нам в ночи, в нашей стране было бы всегда слишком сумеречно.

Правда, солнце сияет на нашем молочном небе недолго, однако оно всё равно успеваешь порадовать нас. Ведь многоглазый Бог Люстра всегда окружает себя такими золотистыми розами, что душа замирает. Дело в том, в нашей маленькой стране не бывает времён года. Краски окружающих нас предметов не меняются никогда. И только к вечеру под влиянием солнца они приобретают теплые, мягкие тона. Тогда нисходит на меня меланхолическое настроение, посещает грусть, и я устремляюсь к кому-нибудь в гости, чтобы забыться.

В сущности, население Давии многочисленным никогда не было. Я сирота, где мои родители, дядя не рассказывает. А так, сколько помню себя, в нашем государстве всегда жили только карлики, великаны и эльфы. Но то были жители дальних пределов. Они, хотя и считались моими подданными, подчинялись преимущественно своим племенным законам и вечно бунтовали.

А из собственно моих подчиненных у меня есть только дядя, которого зовут странным именем Изъедуха, библиотекарь - кот Лепетайло, учитель - свинья Понура, друг мой Бурый, игрушечный мишка, и две дядины дочери: Груша и Живулька, мои двоюродные сестры. Впрочем, я, кажется, сказал “мои подчиненные”? Это не верно. Правит-то в нашей стране Изъедуха, который одновременно исполняет обязанности и всех министров, и моего главного советника... Фактически все дела в королевстве ведёт он сам, не доверяя их никому. Он и не скрывал никогда, что его имя означает на языке древних “злбный человек”.

Характер дяди всегда был дёрганным, язвительным и подозрительным. Он и сам говорил о себе, что только тогда и успокоится, когда мне минет четырнадцать с половиной лет. Не знаю, почему его интересовала именно эта цифра, чего он от неё ждал. Но со временем она и меня начала будто

завораживать, невольно и я стал ждать от неё чего-то необыкновенного. Тем более что наша жизнь в Давии не отличалась большим разнообразием.

Вообразите себе шерстяную, цвета кофе с молоком, долину, покрытую нарисованными красными, синими и зелёными цветами. С одного края её стояла продолговатая и высокая гора, мягкая на ощупь, не бесформенная, а похожая на продолговатый ящик, со спинкой и с валиками. Из неё торчали какие-то корни, как говорил дядя, до самой земли. По ним мы и забирались наверх, чтобы устроиться на сон.

Дядя спал в одном углу, не разрешая никому из нас приближаться к нему ночью ни на шаг. Девочки - в другом. Друг мой Бурый с Понурой - в третьем, а мы с библиотекарем - в четвертом. Фактически мы четверо спали на краю пропасти, перед нами раскрывалась бездна долины. Но мы привыкли и не боялись.

Днём все расходится по работам. Дядя в свой Кабинет, кот в Книжный Шкаф, а мы, дети, в школу. Но сначала дядя нас кормит. С недовольным видом человека, который всю свою жизнь принёс в жертву, он встаёт раньше всех, спускается в долину, а потом уезжает на деревянной тележке, прозванной им Спичечным Коробком, в заповедную часть страны, куда нам, остальным, вход запрещён, на Кухню.

Везёт дядю смиренная серая и округлая лошадка Тапок, тянет изо всех сил, опираясь на свою заднюю часть.

В заповеднике всегда хранились наши запасы пищи и воды. Где именно, никто не ведал. Интересоваться этим было государственным преступлением. Но по утрам, когда мы ещё ворочались в своих постелях, слышали как бы отдаленный раскат грома за скалами. Возможно, это дядя входил в пещеру, которая открывалась ему по какому-нибудь волшебному слову. В ней дядя и добывает для нас пищу. И никогда мы не роскошествуем за обедами и завтраками. Никогда дядя не кормит нас досыта, словно боится, что мы вырастим большими и сильными.

Вообще, как я всегда понимал, в нашей жизни в Давии многое связано с дядиными страхами. Но я с рождения привык к этой жизни и потому долгое время мало чему удивлялся. Мне казалось, что весь мир, за пределами нашего королевства, такой же. Ну а то, что он не совершенен, не страшно; кое-что можно перетерпеть, а кое-что не замечать вовсе.

Однако были в нашей жизни и такие вещи, которые меня всегда возмущали. Например, наш учитель Понура, эта небольшая фарфоровая статуэтка свиньи, которая не умела разговаривать по-человечески и только хрюкала!

Мы приходили к нему в школу каждое утро: я, мой друг, Груша и Живулька (чудное имя! Переводится с языка древних как “деточка”!)

Наша школа находится на возвышении, которое называется Столом. Оно похоже на высокий -превысокий мост. Говорили, что когда-то под ним протекала река да потом высохла. А мост остался - широкий, полированный и блестящий. На нём мы и учились. Садились, вытягивали ноги и часами смотрели на своего учителя. Ничего не было на Столе, ни одного учебника или

тетради. Только стояли две пустых чернильницы. Одна круглая и прозрачная. И другая - с меня ростом, белая, фарфоровая и очень красивая - она -то и изображала собой стопку книг. Какая школа без книг? ... На самой верхней было написано "Сказки". Я не знал, что означает это слово, а когда спрашивал у Понуры, он только виновато опускал голову и нечленораздельно хрюкал.

Вот это и возмущало меня больше всего. Я иногда даже шёл к дяде и ругался с ним: зачем он поставил нам учителем существо, язык которого абсолютно чужд нам!

Но дядя лишь подозрительно поглядывал на меня, нервно вздыхал и переводил дух, хмурил длинный узкий лоб и нетерпеливо шевелил кончиком вытянутого носа. А потом отвечал, что в мире повсюду так: учителя и ученики вечно не понимают друг друга. Но в том-то и заключается гениальность какого-нибудь школьника - что он без слов познаёт науки, словно пронзая череп учителя своим острым взглядом и не менее острым умом! Вот я и вынужден был отправляться не солоно хлебавши обратно в школу, к Понуре - пронзать его череп.

В сущности, чтобы взобраться на Стол, надо родиться верхолазом или альпинистом. Но мы, дети, легкие и вечно недокормленные, обуздали то громадное количество метеоритов, что вечно кружились в атмосфере нашей страны. Это дядя небрежно называл их "метеоритами"... Я не знаю, истинно ли это название. Но вообще-то я во всём привык слушаться дядю. Потому хотя бы, что он, в отличие от нашего учителя, говорит с нами на понятном нам языке.

Метеориты легкие и подозрительно напоминают клубки серой сбившейся пыли. Они то взлетают к белому небу, то опускаются в долину. И нам, детям, остаётся только на лету вскакивать на них, когда они приближаются к земле. Под воздействием разных струй воздуха, метеоритные клубки взмывают и способны доносить нас туда, куда нам нужно. А если их уносит сквозняком в сторону, мы быстренько расстёгиваем свои длиннопольные куртки и начинаем нагнетать под пылевой шар воздух. Он -то и поднимает нас выше. Курткой так же можно управлять шарами, как парусом.

Вообще-то, я всегда с удовольствием учился у дяди, пренебрегая уроками Понуры. Пока учитель часами хрюкал перед нами, я дремал, растянувшись на полировке во весь рост, или мечтал о чём-нибудь, уставившись в небо.

А потом бежал к дяде и задавал ему множество вопросов, которые приходили ко мне в череп за время моего лежания. Потому что я всегда был очень любознателен.

В отличие, например, от Груши, дядиной любимицы, которую он всегда с усмешкой называл моей невестой. Или злючки Живульки, которая авторитета дяди вообще не признавала. Но о Живулечке разговор особый.

Она вообще очень противная. Вечно всем грубит и раздражается. Может неожиданно закончить разговор фразой: "Да что вы все понимаете?!", или: "Терпеть я вас, дураков, не могу!" Я её не люблю и вечно жду от неё каких-нибудь пакостей, на которые она великая мастерица.

Может быть, именно потому, что Живулька была вредная и неуживчивая, у неё на руках было множество бородавок. Так что неприятно было даже брать её за руку. И ещё одна, круглая и темная, бородавка, похожая на кнопку или пуговицу, сидела прямо на лбу, между бровей. Так что и смотреть на неё было неловко. Кажется, что смотришь в карие большие и блестящие глаза Живульки. И тут же ловишь себя на мысли, что уставился на злосчастную бородавку! А Живулька понимает это и ужасно злится.

Другое дело Груша. Грушенька... Сладкая и такая нежная, что, кажется, ткнёшь легонечко пальцем в её золотистую пухлую щечку - сок ароматный закапает! Но и без того Груша вечно источала сногшибательные запахи экзотических плодов и ягод! У Грушеньки и характер был совсем иным, нежели у её тощей старшей сестры.

Ей бы и в голову не пришло то, что подчас вытворяла Живулька. Та, например, завязывала над каждой своей бородавкой по узелку на нитке, чтобы свести их. А потом, вместо того, чтобы зарыть нитку в землю, подбрасывала её в постель дяди!

Существовало поверье, что зарытая нитка могла уничтожить бородавки. Но в том-то и беда, что на место сведённых у Живульки выростали новые! Словно была она проклятой!.. А, может быть, она и впрямь была кем-то проклята?..

Единственное занятие, которое расслабляло и задабривало сердце Живульки, - это уход за её деревьями. Они растут в одном ущелье, на белой скале, довольно высоко над долиной, в больших глиняных кадках, таких огромных, что походили на дома.

Если девчонка вдруг исчезает, не приходит на уроки в школу, её всегда можно найти на ветвях одного из этих сочных деревьев, хотя сама Живулька - из вредности, наверное - называет их "цветами". Будто бы она не знает, что цветы бывают только нарисованными на шерстяной материи почвы!

Что же касается моего друга Бурого, то он менее всех нас походит на человека. Мохнатый, выше меня на несколько голов, коричневый, с большой пастью и маленькими чёрными глазками, он, однако, являет собою просто образец верного товарища.

Никогда он не покидает меня, ни днём, ни ночью. Мы всегда были с ним "не разлей вода", как говорил дядя. Хотя никогда не понимал я, что эта поговорка значит. Как может вода "разлиться" между людьми? Ведь я не видел воду в ином её качестве, как только в стакане, в виде чая. А в природе никогда. И даже не ведаю, как подобная пословица могла возникнуть в Давии.

Друг мой потому самый надёжный, что он никогда не задирает передо мною нос, не поучает меня, не смеётся над моими мечтами. Он неразговорчив, но ужасно любит меня послушать своими острыми ушами. А мне только это и надо. Потому что, в отличие от других детей Давии, я болтун.

Собственно, из всех давцев только Грушенька, Живулька и дядя похожи друг на друга. Это потому, наверное, что они родственники. У них у всех белая кожа и есть кости и мышцы. Что же касается меня, то я уродец. Меня зовут

Скелетус совсем не даром. Я весь - один белый скелет. У меня даже кожи нет. Я не красив. Всегда таким был и, видно, умру скелетом.

Впрочем, к моему облику давно все привыкли. Никто ему не удивляется. А дядя даже говорит, посмеиваясь, что в других странах есть целые селения таких, как я. Люди, подобные мне, живут за изгородью, в каменных коробках, которые называются склепами, или в земле; а вместо крыши их жилищам служат какие-то там Надгробия. Понятие не имею, что это слово означает. Но дядя утверждает, что я просто китаец. Потому что и моя мама, которая ушла из жизни куда-то очень давно и до сих пор не вернулась, была китайкой. Ну а папа был родным братом дяди. Но и папа ушёл. И даже портрета после себя не оставил, я же, на беду себе похож не на него и дядю, а на маму. Что ж, приходится жить китайцем.

Вообще, дядя почему-то очень многое знает о других странах, хотя, по его словам, никогда не покидал нашу. Иногда я целыми днями хожу за ним и всё прошу что-нибудь рассказать. Как правило, он отнекивается, отговариваясь занятостью. Но если я в течение дня ничего нового не услышу, мне становится скучно жить. У меня даже может разболеться голова, как болит от голода пустой живот. Это мой череп просит пищи.

А дядя прекрасно знает нашу страну, её природу и обычаи! Он, например, говорит, что если вечером из Кресла - так мы ещё по-другому называем его кабинет - выпала в долину красная нитка, вечер назавтра будет теплым и солнечным. Конечно, эти народные приметы весьма приблизительны. Потому что у нас в стране каждый вечер тёплый и солнечный. Бог Люстра, который во всём слушается дядю, светит нам всегда одинаково приветливо.

Дядя очень любит своего бога и часто вслух восхищается им: “Представляете! Как он велик, если ни один его глаз невозможно уложить ни в одну из наших корзин! Когда он не посылает нам своих лучей, он всё равно остается светел, так что при желании мы можем рассмотреть сквозь него наше белое каменное небо!..”

Однако не надо думать, будто бы дядя всегда благодушен. Очень часто он гонит меня от себя и в раздражении говорит, будто бы я ему ужасно надоел, и ему уже просто не терпится, когда мне исполнится четырнадцать с половиной лет. Вот я и начинаю невольно думать, что же должно случиться.

И вот однажды...

Однажды в нашей стране среди ночи прозвенел ужасно громкий звонок.

Глава 2. Дядина тайна.

Обычно ночью я сплю крепко. А тут я проснулся. Ночной звонок не был длинным, и всё же я не сумел заснуть вновь. Тем более что вдруг услышал, как дядя поднимается со своей постели. Между нашими постелями ведь нет никаких перегородок.

Старик нащупал возле себя тапочки - мы спим в одежде, только тапочки на ночь снимаем - и куда-то сонно пошёл. Не знаю, что меня тогда дёрнуло, но я решил проследить за ним.

Вообще-то не в моих правилах следить за кем-нибудь, особенно за дядей. Я хоть и наследный принц, но дяди своего боюсь очень. Однако больно уж странно он себя в ту ночь повёл. Мне кажется: он словно ждал кого-то. Потому что заторопился к пропасти, где обнажались корни Дивана, начал спускаться вниз, да ещё и, зевая, забормотал: “Сейчас, сейчас! Ваше Высочество!...”

Я так и подскочил. Вообще-то “Ваше Высочество” - это я! Кроме того, кто и как мог пробраться к нам, если Давия окружена, по словам дяди, непреодолимыми горами! Кроме того, я точно знал, Давия ни с какой другой страной дипломатические отношения не поддерживает!

Изъедуха, который исполнял при мне среди прочих должность министра иностранных дел, не раз сам объяснял мне, когда я просил его устроить экскурсии за границу, что мы расположены в таком неблагоприятном месте, что нас окружают только одни враждебные государства: Туалетия, Ванная, Кухня и Балкония. И вдруг!... Тайное посещение?!.. Дядя потихоньку от меня ведёт переговоры с представителями других держав?!.. Но о чём?.. Как я, принц, мог этим не заинтересоваться?

И я, крадучись, разумеется, в интересах своего государства, отправился вслед за дядей.

А сделать это, между прочим, было нелегко! Понимаете, дядя вечно таскает с собой один волшебный веер. Он изумрудный, перьевой и очень красивый. Волоски на перьях переливаются так трогательно, словно разговаривают!.. А я уже сообщал вам, что у нас, в Давии, жизнь скучная. Природа да и дядин Бог Люстра явно нас обделили. Мне не хватает новых впечатлений! Я хочу слышать новые слова, видеть новые цвета, слышать новые ароматы! У нас на всё голод!

Часто, очень часто, когда я был маленьким, я просил дядю, чтобы он дал мне полюбоваться на синие и зеленые, с легкой золотистой желтизной переливы веера, но дядя каждый раз отнекивался. Так что мне приходилось любоваться прекрасным веером издалека. Ведь мой бедный и малочисленный народ никогда не знал ни поэзии, ни живописи, ни танцев. Среди нас, шестерых, на беду, не было гениев и мудрецов. И когда к моему сердцу подкатывали томление или тоска, и во мне возникало острое желание выразить свои чувства, я просто шёл к Кабинету дяди, садился так, чтобы он меня не видел, и, так как его рабочая площадка не имела стен, смотрел на веер, жадно впитывая пустыми глазницами его невозможную красоту.

Одна Живулька откуда-то знала песни и иногда себе под нос напевала, но, будучи человеком замкнутым и противным, она делала так, что я и остальные могли только неясно угадывать мелодию, какие-то строчки. Хотя мы бы тоже с удовольствием пели, но она не давала.

И вот этот самый веер никогда не служил дяде опахалом! Напротив, он носил его у себя на поясе сложенным, но всё равно можно было рассмотреть, по крайней мере, два чудесных глазка.

Однажды в книжке, которую выдал мне библиотекарь - а он всегда назначал для меня книги по выбору дяди, с одними картинками, - я увидел точно такие же глазки на хвостовых перьях павлина. Есть в заморских странах такие птицы - великаны, высотой в сотню человеческих ростов. И я всегда удивлялся, я не мог понять: откуда у моего дяди эти перья, если он сроду не покидал Давии, в которой павлины не водятся! Да они бы и не смогли у нас водиться, такие великаны. Ну а сам дядя всегда отвечал мне одно и то же, что этот веер достался ему от его отца. "И кто же ваш отец?" - Однажды осмелился спросить я. - "Слушай уроки истории Понуры! - Только и ответил мне строго дядя. Но потом он смягчился. - Мои родители путешествуют. Так же, как и твои!"

И вот как-то раз дядя поведал мне под большим секретом, что эти глазки не нарисованные! А вырваны им у побежденных им великанов. О! Я верил каждому его слову! Потому что однажды сам видел издали этих великанов.

Центральная часть нашего государства перетекает ведь под аркой в скалах в другую долину - гораздо более узкую. Она называется Прихожей. Мы туда обычно не ходим, и даже не заглядываем.

Во-первых, потому, что там всегда темно и царит вечная ночь. А во-вторых, потому, что там живут одни только великаны. Я был ещё очень маленьким скелетиком, когда потерялся и забрёл в Прихожую. Там я встретил великанов, которые прямо стояли вдоль скалы под выступом с крючками, на которые их навеки повесил дядя, победитель великанов. Громадные ноги в ботинках и резиновых сапогах смотрелись так ужасно, что я заплакал.

Кошмарные длинные руки без кистей были засунуты в карманы. Величественные, но неподвижные тела не трепетали... Ух! Мороз пробрал мои кости, когда я задрал голову, чтобы получше рассмотреть зловещие лица! Но... лиц не было! Дядя лишил великанов и лиц, забрал их себе! Так что одни только шапки возвышались над туловищами, замершими в ожидании дядиных поручений!

Я был так поражён этим зрелищем, что попятился. Тут и отыскал меня дядя. Он сказал: "Ты и не ищи их глаза, малыш!" И он говорил это так обыкновенно, буднично! "Я поместил их глаза к себе на веер из павлиньих перьев. И сказал им: "Служите Давии!" - завершил он важно свой рассказ.

И действительно, меня всегда удивляло, что дядя был в курсе всех моих дел. Не только того, куда я пошёл, где был, пропадал, но даже о чём говорил и мечтал. Поразительно! Ну, я и кивал на дядин веер. Вернее, на глазки на нём, воображая, что дядя отлепляет их от перышек и отпускает на волю полетать.

Чтобы они могли понаблюдать за нами, жителями страны Давии, а потом всё ему доложить.

Вот почему, когда дядя стал на цыпочках красться к Прихожей, первым делом я внимательно посмотрел: нет ли на его поясе веера с недремлющими глазками. Но веера не было. И я благополучно добрался до края пропасти, а потом спустился по корням Дивана вслед за дядей. Он растворился в темноте ночи. Но это было мне только на руку. Я слышал, как бьют по пяткам его шлёпанцы, и шёл на этот звук.

Каково же было моё удивление, когда я заметил на повороте дороги, как сверкнул светлячком и тут же скрылся известный мне золотой пояс Живульки! Она-то зачем следила за дядей? Что её-то обеспокоило?

Вот так новость! Она кралась за собственным отцом! Зачем?! Дядя часто внушал нам, что дети должны быть слепо покорны взрослым, которые одни знают, что полезно их чадам. Из вредности, что ли, кралась сейчас Живулечка за Изъедухой? Или она просто страдала лунатизмом?

Я не мог ответить на этот вопрос. Да и не до него мне вдруг стало.

То, что я увидел дальше, потрясло меня до глубины моей души!

Сверкнула молния! Это было первый раз в моей жизни, когда я видел такую громадную молнию. До этого я только слышал о подобных от Живульки. Молния шла от самого неба до земли! Она шла вертикально и воткнулась как нож в землю. Но грома почему-то не последовало. Впрочем, с чего это я решил, что следом за молнией должен был грохнуть гром? Я мало чему научился у хрюкающего Понуры. Кое-чему у дяди. Но мы никогда не говорили ни с тем, ни с другим о молниях. Это я сам почему-то решил, что молнии всегда сопутствует звук. Слишком много сильного света! Слишком!..

Дядя всегда внушал нам, что мир вокруг Давии только таков, каков он и в Давии, никакого разнообразия, в общем. А раз в Давии не били молнии, значит, их в природе не существовало: “Не забивайте себе головы!”, и всё. Но тут я сам её увидел, собственными глазами! И сразу же подумал: а не врёт ли дядя.

Но грома не последовало. И я стал уже сомневаться в том, была ли то молния. А потом ворвавшийся свет неожиданно поднял в воздух с земли столько метеоритов, что они камнями обрушились мне на грудь. Я даже упал под их градом, закрыв лицо руками.

А когда я наконец поднялся, я понял, что в Давию проник ещё один великан! Тут уж мне стало не до философских раздумий, не до подозрений!

Ух, как я испугался! Дело в том, что великан вдруг чиркнул деревом по громадному сундуку и возжёл пламя. Сказать по правде, я и пламя-то никогда не видел нигде, кроме как внутри Бога Люстры. А тут великан разжёл целый костёр на кончике дерева, которое держал между пальцами, и пламя родило свет! Совсем как Бог Люстра!... И мне стало до дрожи страшно! Ведь если великан умел давать свет, как дядин Бог, он и сам был подобен Богу! И такой великан неожиданно вторгся в дальние пределы моего королевства! Неужели он хотел отнять у меня мои земли?!

Правда, ему будет у нас тесно. В Давии могли более или менее свободно жить только такие маленькие человечки, как мы... Но да зачем ещё могла произойти его встреча с дядей?

Тут великан заговорил. Как я понял, он старался говорить тихим - претихим шепотом. Но и в этом случае он вызывал такие порывы воздуха, что я вынужден был всё время хвататься за какие-то доски и верёвки, что двинулись мне на встречу, поддетые в темноте ногою великана. Им было уже труднее передвигаться, когда я усилил их вес своим телом.

Когда меня, наконец, перестало сносить, я поднял голову и взгляделся в лицо вошедшего. Он уже успел сунуть в рот какую-то трубу, и из его рта повалил дым! Наверное, это чудовище жрало горячие угли, которые служили ему пищей!

Я то и дело терял дар речи, хотя обычно весьма охотно разговариваю про себя сам с собой.

Великан что-то говорил, и я плохо различал привычные звуки в гуле его голоса. И лишь жадно вглядывался в его лицо, со странно высвеченным ртом и кончиком носа. И вдруг опять оказался поражён: лицо великана было точной копией с лица моего дяди!

Я чуть в обморок не упал, когда открыл это. Первая мысль, которая появилась у меня в голове, когда я пришёл в себя, была: "А может быть, это сам дядя вырос зачем-то до гигантских размеров?" Но мнение моё переменялось, когда великан присел и, освещая трубой, торчавшей изо рта, узкую долину Прихожей, осветил и моего главного и единственного министра, который без страха стоял перед великаном, задрав голову вверх.

Да, теперь мне стало совершенно ясно, что дядя пришёл на встречу с этим существом. Но зачем?! Убей меня, Бог Люстра, я этого не понимал.

А меж тем дядя спрашивал:

- Принесла?

Он почему-то обращался к великану как будто тот был особой женского пола.

- Как обычно, - ответил довольно тонкий голос, возможно, даже женский, и довольно противный. Не передать мне даже, насколько противный. Едва ли не квакающий. - Еды у вас будет предостаточно.

Еды?! Так вот кто пополняет запасы нашей пищи в той таинственной пещере! Но ради чего? Почему этот великан служил моему дяде? Почему находился в подчинении у него?! А, может быть, и не в подчинении... Но тогда - в каких именно отношениях? И почему дядя никогда не рассказывал мне о нашем благодетеле - великане?

- Спасибо, Холодайка! - Ответил дядя. И тут же спросил: - Меня не хватились?

"Хватились"?! Вот это мило! Где ещё могли хватиться дяди, если он, по его словам, никогда не покидал пределов Давии?

- Нет, - ответила Холодайка однозначно, - не хватились. - И вдруг принялась, и нахмурила свой узкий длинный лоб, и задвигала своим длинным носом совсем так же, как это обычно делал Изъедуха.

- Кажется, за нами подглядывают! - Квакнул великан.

Я тотчас вжался в землю, а дядя, вероятно, стал осматриваться. Невозможно описать мой страх в эти минуты. Ведь я фактически совершал преступление, нарушал запрет дяди и разрушал доверие между ним и мной!

Отныне мне предстояло претворяться, изображая из себя наивного и глуповатого скелетика, который по-прежнему ничего не знал, и которого можно было легко обвести вокруг пальца. Конечно, дядя как будто не делал сейчас ничего плохого. Просто я вдруг открыл, что жизнь не так уж примитивна и скучна, как мне представлялось раньше. У взрослых были от меня какие-то тайны, и, может быть даже, много тайн. И отмахнуться от них не было никакой возможности! Потому что от них могла напрямую зависеть моя собственная жизнь. И я был прав, как показали все дальнейшие события...

- За нами некому подглядывать! - Уверенно ответил дядя, словно наша долина была полна мертвецов, а не живых существ.

И всё же дядя приблизился к Холодашке настолько близко, что я перестал слышать их разговор. Я понял, что пребывание моё в долине Прихожей становится опасно, да и бесполезно, и решил покинуть место моих наблюдений. Я вернулся на своё место на Диване и вскоре заснул.

А наутро я далеко не сразу вспомнил разговор дяди с Холодашкой. Слишком уж я привык к обычному распорядку нашей дремотной жизни. Зевая, я приступил к завтраку, потом, всё ещё с полу открытыми глазами стал собираться в школу, когда вдруг заметил отсутствие на Диване Живульки.

- А Живульки нет, - пожаловался я дяде. - Наверное, она удрала на своё дерево. Решила уроки прогулять!

Но дядя почему-то упрямо делал вид, что не слышит меня. Я пожал плечами и хотел уже отправиться к корням, как внезапно вспомнил, что именно пояс Живульки мелькнул сегодня ночью в темноте нашей Прихожей. Я едва не вскрикнул, когда мне вспомнились и молния, и Холодашка, и непонятный разговор с дядей этой дамы в мужском облики. И ноги мои сами затормозили на краю обрыва. Неужели Живулька так и не вернулась домой в эту ночь?! Могло ли такое возмутительное событие произойти в нашем тихом краю?

Я вспомнил и то, как насторожилась Холодашка перед тем, как я покинул место моего наблюдений, как она воскликнула, что за ней и Изъедухой подсматривают, и мне стало страшно. А что если великан обнаружил девочку и забрал её себе?

Тогда что с ней? И почему дядя отмачивается? Неужели похищение Живульки происходило в его присутствии и с его согласия?... Я не смел этому поверить!.. Конечно, девчонка никогда мне особо не нравилась, но ведь она была всё-таки моей двоюродной сестрой, дядиной дочерью! Так почему же он до сих пор её не хватился? Не забил тревогу? Или он прекрасно был осведомлён о том, где она сейчас находилась?

Надо ли объяснять, почему в это утро я почти не слушал хрюканья нашего учителя? А когда бесполезные уроки закончились, я решил побывать возле тех деревьев, на которых обычно целыми днями просиживала Живулька.

Поймав метеорит, вившийся почти у самой земли, я обуздал его и, раздувая фалды моего школьного сюртука, поднялся на ту нишу в скале, на которую обычно Живулька меня не пускала. “Здесь я играю!” - Упрямо твердила она, прогоняя нас.

Это было довольно большое углубление в меловой, белой горе, склон которой, обращаясь в Центральную долину, шёл совершенно под прямым углом. На пустынной площадке, выкрашенной некогда краской, которая теперь высохла настолько, что шелушилась, стояли два дерева в гигантских кадках, и никого не было вокруг. Сестра не сидела на дереве.

А надо вам сказать, что это были единственные деревья в нашей стране. Одно из них со множеством широченных округлых листьев, каждое как смотровая площадка. А другое пониже, но сквозь его колючие и толстые ветви проглядывал сок. Он бежал, бежал по сосудам дерева, и можно было долго любоваться на его живые и сочные внутренности светло зеленого цвета. А вот у меня внутренностей не было! Дерево оказалось куда мудренее устроенным, чем я, скелет. И я позавидовал этому сложному дереву!

В нашей школе, конечно, ничему нельзя было научиться. Но Живулька откуда-то узнала, что это дерево называется Алоэ. Забравшись на его крепкие и упругие веточки, я с головокружительной высоты посмотрел вниз, в долину: не гуляет ли где Живулька - и сразу догадался, почему она любила свой наблюдательный пункт. С него хорошо проглядывалась Прихожая, а так же высокая коричневая гора со стеклянными дверями, в которой жили столь ненавидевшие нас карлики; Книжный Шкаф, на котором работал библиотекарем кот Лепетайло; закутки покатога дядиного Кабинета и гора, зашкафных эльфов. В общем, все мои владения!

И вдруг неприятная догадка зашевелилась во мне. Я понял, почему именно Живулька оказалась этой ночью в Прихожей. Из её убежища были прекрасно видны следы засохшей грязи в дальней долине, в которой обитали великаны. Эти комья грязи оставила Холодайка. Их принесли её грязные ноги в ботинках. Но мне, например, снизу эти комки грязи могли показаться просто невысокими холмами. И только сверху становилось ясно, что эти ошмётки почвы напоминают своей формой переднюю часть ботинка.

От сделанного открытия у меня закружилась голова, и я поспешил спуститься с дерева на землю, лежавшую под ним в глиняной кадке. Должно быть, не первый раз оставляла свои следы загадочная Холодайка. Выявив для себя некую закономерность в их появлении в долине Прихожей, Живулька и поспешила прошедшей ночью проследить за моим дядей.

Мурашки пробежали по моим костям, когда я подумал, какое преступление мог совершить несколько часов назад этот человек. Неужели он расправился со своей дочерью? Расправился с ней только за то, что она осмелилась пойти за ним?! Не может быть! Не может быть!

Мне стало страшно, и я, сам того не замечая, в задумчивости карябал ногою в ботинке сухую землю под деревом. Вырыв небольшую ямку, я машинально углублял её, когда нога моя вдруг скользнула по чему-то гладкому. Я удивился, решил, что это, возможно, камень, и обрадовался. Дело

в том, что камни в нашей стране не водились. Всё, что было сделано некогда из камней в Давии, это только одна загадочная пустая гробница на горе карликов, которую они называли Сервант, и несколько мелких вещиц в Кабинете дяди, куда он приводил меня очень редко, примерно один раз в пятилетие.

Как бы я похвастал перед другом и Грушенькой, если бы мне действительно встретился в земле камень! И я продолжал копать. Однако в итоге я вытащил на свет вещицу гораздо более удивительную! Редкостную! Постепенно высвободил я её из-под почвы и вытащил из земли, очистив от пыли.

Это был лист картона, при чём очень толстого, в мою руку. Кусок большой. С меня ростом. И то был портрет двух людей, которые сидели, обнимая друг друга. Я видел только их лица, но я не узнавал этих людей. К тому же, меня озадачивала техника этого портрета, писанного явно не красками, да ещё и черно-белого. Я был поражён и долго стоял неподвижно, рассматривая его. Что это за люди? Они никогда не жили и не бывали в нашей стране. И как этот картон оказался под землёй?

Постепенно я понимал, что хранила его тут Живулька. Потому и гнала нас вечно от своего секретного места, от клада. Потому и не сообщала о портрете моему дяде. Вокруг этих двух людей - мужчины и женщины - тоже явно существовала какая-то тайна! И эта тайна была известна одной Живульке. А не мне, принцу и наследнику престола! И сие тоже показалось мне обидным!

Я сел на край кадки и задумался. Не слишком ли много тайны для одной маленькой страны! Целых две! Что делать? Что делать? Уж больно эти тайны меня разволновали! До этого я жил столь скучно, столь спокойно. А не сойду ли я с ума от этих тайн? А может быть, эти тайны запретить каким -нибудь декретом? Чтобы, не дай Бог Люстра, из -за них не разразилась война?

Кстати, отсюда, с кадки, была хорошо видна вся площадка в скале, которой пользовалась раньше одна моя сестрица. Это был единственный такой выступ на этой скале. И вдруг... по мере того, как я стал её осматривать, мне начало чудиться, что из задней стены пещеры сочится ... свет! Быть этого не может! Как это? Разве каменные стены могут быть настолько тонкими? И вообще, откуда свет? Если Люстра живёт в нашей стране, в других странах его быть не может! А может быть, он служит двум правителям одновременно? Работает по совместительству? И пока в нашей стране ночь, там где-то день?...

На всякий случай я решил спрыгнуть вниз и проверить свои догадки - исследовать заднюю часть стены.

Я вошёл в темную нишу, но по мере моего продвижения, света становилось всё больше. Он, конечно, не сочился сквозь стену, а словно с той стороны горы поднимался вверх, к небу, полз по нему и потом уже опускался на Давию слабыми отсветами!

Это открытие потрясло меня не менее чем находка портретов людей, которые никогда не населяли нашу страну! Тайны становились всё мучительнее. Если не населяли, как их портрет мог оказаться у Живульки? И Живульки на месте не было!

И вот что я сделал. Я осмелился и ткнул пальцем в скалу! У меня чуть почва не ушла из-под ног, когда я понял, что она пошевелилась! То есть я пошевелил её одним пальцем! Но не волшебник же я!

Я пощупал стену и... вдруг рассмеялся. Скала в этом месте оказалась из толстенной материи! И в то же время мне было не до смеха! Я был на пороге таких открытий, которые просто способны были свести с ума. Вот так же, наверное, был потрясён и Христофор Колумб, о котором мне рассказывал дядя. Тот самый Христофор, который однажды заглянул в тёмный угол своей страны и обнаружил в нём высокое плато, всё заполненное водой. Он потом назвал это море Ванной.

В общем, я решился ещё раз нарушить законы Давии, которые в своё время написал для нас, детей, строгий дядя: обо всех своих географических открытиях докладывать ему, а самому никуда нос не совать; достал из кармана нож и вонзил его в грубую чёрную материю, заменявшую тут скалу. С трудом пошевелив своим оружием, я проделал небольшую дырку на уровне глазниц и, убрав нож, с громадным любопытством заглянул в неё.

Сказать по правде, я ужасно боялся, что тут же и получу по заслугам, что какое-нибудь чудовище, которое мои предки замуровали за этой матерчатой стеной, мгновенно вцепится мне в череп своими длинными острыми когтями и вырвет мою голову! Потом сожрёт её с хрустом!

Но ничего такого не последовало! Сильный, ужасно сильный свет впился мне словно в самое глазное яблоко, которого у меня не было, и больно укусил за него.

Никогда прежде, не встречал я столь яркого света! Словно там жило солнце, какое-то другое солнце! Иногда, правда, бывало, с нашего белого неба лился днём непривычный ясно желтый свет, вместо обычного серого. Но тогда дядя называл это явление природы утечкой сил заболевшего Бога Люстры... Не знаю, почему эта утечка происходила, но выглядела она очень красиво!

Я ведь говорил уже, что в Давии нет многообразия оттенков красок, да и вообще жизнь довольно монотонная. И поэтому всякий раз утечка завораживала нас, детей. Мы смотрели на то, как желтые круги, с белыми серединками, играли на небе, двигаясь, словно летающие тарелочки, и наслаждались их живым, золотистым цветом, не смея оторвать от них своих глаз. А дядя гнал нас на Диван и приказывал делать уроки.

Но этот свет был гораздо ярче. Он буквально опьянил меня, когда я заглянул в дыру вторично. Я увидел нечто, что совершенно очаровало и загипнотизировало меня: какое-то лазоревое голубое плотно, уходящее в бесконечность, всё исчерченное золотыми полосами. Будто чьими-то руками.

Неужели это была сокровищница? Карлики однажды похитили меня в детстве и повели показывать свои драгоценные камни. Среди них оказался один, мигающий как голубой глаз. Они называли его "лунным". Не знаю, что такое луна, но слово это меня заворожило!

Однако, проведя у дыры несколько часов, я понял, что там, за скалой живёт не Люстра, а какой-то иной Бог или Волшебник. Вот его руки я и увидел.

Я не знал, как его имя, можно ли проникнуть в мир этого властелина, не опасно ли. Я пропустил обед и ужин. И даже дождался того часа, когда голубой цвет стал синим! Таким синим, каким я его ещё и не видел - живым, гладким, жирным и теплым, словно кошачий бок! А потом и кремове - ало - золотым! Что потрясло меня ещё больше.

А потом наконец обугленным и устрашающе чёрным... И наконец тысячи глаз, гораздо большее число, чем у Люстры, проглянули и раскрылись на этом волшебном, то и дело меняющем цвет полотне. И я понял по их умному острому блеску, что это глаза человека, и правда - Волшебника, и что он тоже видит меня.

Я был ещё настолько глуп, что поднял руку, чтобы потрогать их пальцем, провести по гладкой поверхности скользкого серебра, но постеснялся. Всё-таки этот Волшебник был моим соседом. И я боялся пальцем выказать ему не уважение и даже его поранить. Так и молчал под его мудрым взглядом, который говорил мне: "Ты кто? Почему я не видел тебя раньше? Чудак?"

Как мне стало хорошо! Оттого, что я не один и могу общаться! В моём королевстве все были молчунами. Молчал и Волшебник, он разговаривал со мной только языком цвета и глазами. И всё же мне было интересно! Какое-то вдохновение снизошло на меня - я понял, что на свете есть и другие взрослые, кроме дяди, и эти взрослые - добрые.

Я решился прервать дипломатическую беседу и возвращаться домой в долину, только когда дядя на всю Давию прокричал с Дивана, зовя меня спать. Тут уж послушаться его я не помел. Это было бы уже третье слушание за сутки - слишком много! И я вернулся. Но вернулся оглоушенный своим открытием и совершенно безмолвным. Все силы мои ушли на удивление, и мне не хотелось никому ничего говорить.

Я только одно думал весь вечер и половину ночи: как хорошо, как удивительно приятно познавать. Я даже забыл на время о пропаже Живульки.

И какой жалкой показалась мне теперь моя учёба в школе с таким бездарным учителем, как Понура! Но и дяде я пока не решился рассказать о своём географическом открытии.

Хотя тайна моя вышла наружу уже на следующий день.

Дело в том, что я всё-таки не выдержал и, отозвав после завтрака в сторону моего друга, шепнул ему: "Я открыл вид!"

- На что? - испугался Бурый.

- Сам не знаю. Но там всё сияет! Не то, что в нашей стране!

Друг ничего мне не ответил, не поверил, наверное. Но примерно через час рассерженный дядя ворвался к нам на урок и потребовал от меня:

- Расскажи-ка мне, милый племянник, что за мир такой радужный откопал ты за тридевятью земель?!

Я не поверил, что образцовый друг выдал меня и хотел уже отнекиваться, не желая выдавать радость мою, но дядя вредно сощурил узкие глаза и буквально прижал меня к стенке.

- Ты торчал на выступе скалы, возле деревьев! Не запирайся, я всё знаю!
- И дядя потряс перед моим носом веером из павлиньих перьев. - Всю ночь по нашему небу бегали какие-то всполохи. Ты думаешь, что это играли драгоценные камни в сокровищнице у карликов? Нет! На самом-то деле ТАМ просто шла война. Где? Да в той стране, что я некогда закрыл от вас, пытаюсь спасти от большой беды, а ты от безделья обнаружил!!

Я не мог в это поверить: в стане Волшебника идёт война? А он показался мне таким добрым. Но я и не мог не верить дяде, которому привык верить:

- Жалкий, дрянной мальчишка! - Кричал он на меня на всю страну, так что Бурый, сидя на Столе, оборачивался в нашу сторону. - Если жители того государства, куда ты сунул свой нос, узнают, что ты за ними подглядывал, они придут и убьют нас всех!

Вот что! Посиди-ка в наказание у меня в кабинете и подумай о своих обещаниях больше не лезть не в свои дела.

И дядя, подхватив меня, прыгнул на один из пролетающих метеоров и перенёс в свой Кабинет. Так называлась одна наша гора, по округлой вершине которой дядя часто гулял, заложив руки за спину и о чём-то сосредоточенно думая.

Я остался один. С ненавистью смотрел я на раскрытый веер, предусмотрительно оставленный дядей недалеко от меня, и с горечью думал о том, что, к сожалению, ничего не остаётся в Давии без дядиного присмотра. И что если он лишит меня чудесной и праздничной возможности ходить на тот выступ на скале и любоваться голубым небом над чужой страной, я просто брошусь головой вниз со Стола. Конечно, я не разобьюсь, потому что слишком лёгкий. Но я не мог больше жить, ничего не зная о себе самом и других людях, странах и правителях. Только теперь я понимал, что дядя многое мне не договаривает...

И вдруг шальная, сумасшедшая мысль мелькнула у меня в голове: покуда дядя в отсутствии, пошарить в его бумагах, которые всегда стопкой лежали под огромным и тяжелым пресс-папье. Какая-то лихая отвага овладела мной. В конце концов, я даже не знал того, почему дядя так ждёт моего четырнадцати с половиной летия!..

Я не без труда сдвинул в места пресс-папье, которое существует для того, чтобы промокать чернила на бумагах, и обнаружил под ним огромную тетрадь, с человеческий рост. Это была дядина Записная Книжка.

Мне пришлось приложить не мало усилий для того, чтобы перевернуть первую страницу. И какого же было моё удивлений и мой ужас, когда я увидел между первыми же страницами... засушенного взрослого человека!

Я остолбенел. Вот так же, рассказывала мне однажды Живулька, в неких странах засушивают листья и цветы для гербария. Сжимают их со всех сторон страницами книг и распрямляют.

Человек был мёртв, глаза его закрыты, а тело тонко, сплющено, хотя и не раздавлено. А именно что высушено. Однако человек, а это был мужчина, не потерял пока всех своих красок. И черты его лица ещё сохранили свою пропорциональность и гармоничность. Он вовсе не казался страшным.

Страшным мне показалось другое. За его спиной шла страница, а между ней и последующей страницей торчала... женская изящная и тоже сухая рука, унизанная перстнями и украшенная длинными ногтями.

О, ужас! Я закрыл рот рукой и задохнулся от нахлынувших на меня чувств.

До того часа наша страна не знала смерти. Я слышал, что смерть к кому-то и где-то в других мирах приходит, но в Давии пока что никто не умер, все были живы. Молоды и здоровы. И дядя часто потому называл Давию раем земным, “просто райским уголком”, которого не было смысла покидать.

Но вот выяснилось, что были свои мёртвые и в прекрасной, счастливой Давии!..

Надо было скорее торопиться захлопнуть книгу, но я не смел, потеряв всякую возможность двигаться.

Я меж тем у меня совершенно вылетело из головы, что павлиньи глазки за мной подсматривали! Всё, всё доложат они теперь моему дяде.

Я подбежал к вееру и сердито пнул его. В отместку. И тут же обратил внимание на то, что два зеленовато - голубых глаза смотрят на меня не с презрением или ненавистью, а с состраданием и, можно даже сказать, с любовью. Это меня очень удивило. И я почему-то понял, что эти два глаза точно не проговорятся.

Они даже показались мне знакомыми. Да ещё и не похожими на остальные, как будто более живыми и выразительными. Они даже несколько раз моргнули.

Однако любоваться ими мне было некогда. Страх погнал меня обратно к книге. Я захлопнул страницы и поставил на место пресс-папье. Те два глаза, чудесных добрых глаза, словно придали мне сил.

И вот что ещё было чудно. Когда дядя вошёл в свой кабинет, глазки не наябедничали. Словно им нечего было рассказать. Словно они были незрячими. Или же им не хотелось. Даже тем, живым и бегающим.

И я вдруг посмел молча усомниться в возможностях дядиного веера всё видеть и всё подмечать. Он рассказывал мне о том, что некогда победил великанов? Но почему все его победы относились к далёкому прошлому? А?..